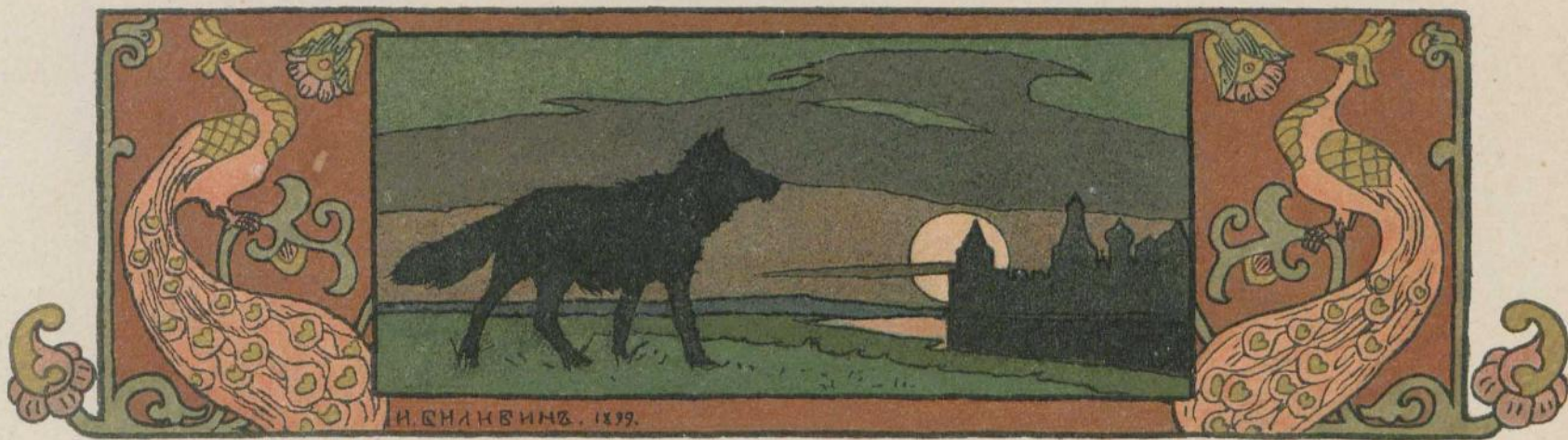
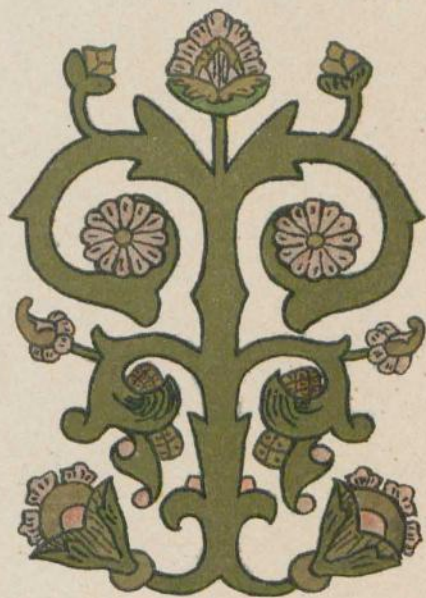

КАЗКА

ОБЪ

ИВАНЪ-ЦАРЭВИЧЪ,
ЖАРЪ-ПТИЦЪ И
О СЪРОМЪ ВОЛКЪ.

въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ: былъ-жилъ царь Выславъ Андроновичъ. У него было три сына-царевича: первой — Димитрій-царевичъ, другой — Василій-царевичъ, а третій — Иванъ-царевичъ. У того царя былъ садъ такой богатый, что ни въ которомъ государствѣ лучше того не было; въ томъ саду росли разныя дорогія деревья съ плодами и безъ плодовъ, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблони росли яблочки все золотыя. Поводилась къ царю Выславу въ садъ летать жаръ-птица; на ней перья золотыя, а глаза восточному хрусталу подобны. Летала она въ тотъ садъ каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала съ нея золотыя яблочки и опять улетала. Царь Выславъ Андроновичъ весьма крушился о той яблонѣ; почему призвалъ къ себѣ трехъ своихъ сыновей и сказалъ имъ: „Дѣти мои любезныя! кто изъ васъ можетъ поймать въ моемъ саду жаръ-птицу? кто изловить ее живую, тому еще при жизни моей отдамъ половину царства, а по смерти и все“. Тогда дѣти его, царевичи, возопили единогласно: „Милостивой государь-батюшка, ваше царское величество! мы съ великою радостью будемъ стараться поймать жаръ-птицу живую“.

На первую ночь пошелъ караулить въ садъ Димитрій-царевичъ и, усѣвшись подъ ту яблонь, съ которой жаръ-птица яблочки срывала, заснулъ и не слыхалъ, какъ та жаръ-птица прилетала и яблокъ весьма много ощипала. Поутру царь Выславъ Андроновичъ призвалъ къ себѣ своего сына Димитрія-царевича и спросилъ: „Что, сынъ мой любезной, видѣлъ ли ты жаръ-птицу или нѣтъ“? Онъ родителю своему отвѣчалъ: „Нѣтъ, милостивой государь-батюшка! она эту ночь не прилетала“. На другую ночь пошелъ въ садъ караулить жаръ-птицу Василій-царевичъ. Онъ сѣлъ подъ ту же яблонь и, сидя часъ и другой ночи, заснулъ такъ крѣпко, что не слыхалъ, какъ жаръ-птица прилетала и яблочки щипала. Поутру царь Выславъ призвалъ его къ себѣ и спрашивалъ: „Что, сынъ мой любезной, видѣлъ ли ты жаръ-птицу или нѣтъ“?—„Милостивой государь-батюшка! она эту ночь не прилетала“.

На третью ночь пошелъ въ садъ караулить Иванъ-царевичъ и сѣлъ подъ ту же яблонь; сидитъ онъ часъ, другой и третій — вдругъ освѣтило весь садъ такъ, какъ бы онъ многими огнями освѣщенъ былъ: прилетѣла жаръ-птица, сѣла на яблоню и начала щипать яблочки. Иванъ-царевичъ подкрался къ ней такъ искусно, что ухватилъ ее за хвостъ; однако, не могъ ее удержать, и осталось у Ивана-царевича въ рукѣ только одно перо изъ хвоста. Поутру, лишь только царь Выславъ отъ сна пробудился, Иванъ-царевичъ пошелъ къ нему и отдалъ ему перышко жаръ-птицы. Очень обрадовался царь Выславъ, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать отъ жаръ-птицы. Это перо было такъ чудно и свѣтло, что ежели принести его въ темную горницу, то оно такъ сіяло, какъ солнце красное. Царь Выславъ положилъ то перышко въ свой кабинетъ, какъ такую вещь, которая должна вѣчно храниться. Съ тѣхъ поръ жаръ-птица не летала уже въ садъ.

Царь Выславъ опять призвалъ къ себѣ дѣтей своихъ и говорилъ имъ: „Дѣти мои любезныя! поѣзжайте, я даю вамъ благословеніе, отыщите жаръ-птицу и привезите ко мнѣ живую; а что прежде я обѣщалъ, то получить тотъ, кто жаръ-птицу ко мнѣ привезетъ“. Димитрій и Василій-царевичи возымѣли злобу на меньшого своего брата, Ивана-царевича, что удалось ему выдернуть у жаръ-птицы изъ хвоста перо; взяли они у отца своего благословеніе и поѣхали двое отыскивать жаръ-птицу. А Иванъ-царевичъ также началъ у родителя своего просить на то благословенія. Сколько ни старался удерживать Ивана-царевича царь Выславъ, но никакъ не могъ не отпустить его, по его неотступной просьбѣ. Иванъ-царевичъ взялъ у родителя своего благословеніе, выбралъ себѣ коня и поѣхалъ въ путь — и ѣхалъ, самъ не зная, куда ѣдетъ.

Ѣдучи путемъ-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, — скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, — наконецъ, приѣхалъ онъ въ чистое поле, въ зеленые луга. А въ чистомъ полѣ стоитъ столбъ каменный, а на столбу написаны эти слова: „Кто поѣдетъ отъ столба сего прямо, тотъ будетъ голоденъ и холоденъ; кто поѣдетъ въ правую сторону, тотъ будетъ здоровъ и живъ, а конь его будетъ мертвъ; а кто поѣдетъ въ лѣвую сторону, тотъ самъ будетъ убитъ, а конь его живъ и здоровъ останется“. Иванъ-царевичъ прочелъ эту надпись и поѣхалъ въ правую сторону, держа на умѣ: хотя конь его и убитъ будетъ, зато самъ живъ останется. Онъ ѣхалъ день, другой и третій — вдругъ, вышелъ ему навстрѣчу пребольшой сѣрой волкъ и сказалъ: „Охъ, ты гой еси, молодой юноша,

Иванъ-царевичъ! вѣдь читалъ ты, на столбѣ написано, что конь твой мертвъ будетъ, такъ зачѣмъ-же ты сюда ѣдешь"? Волкъ вымолвилъ эти слова, разорвалъ коня Ивана-царевича на-двое и пошелъ прочь въ сторону.

Горько заплакалъ Иванъ-царевичъ по своему конѣ и пошелъ пѣшій. Онъ шелъ цѣлый день и усталъ несказанно и только что хотѣлъ присѣсть отдохнуть, вдругъ нагналъ его сѣрой волкъ и сказалъ ему: „Жаль мнѣ тебя, Иванъ-царевичъ, что ты пѣшь изнурился. Добро! садись на меня, на сѣраго волка, и скажи, куда тебя везти и зачѣмъ"? Иванъ-царевичъ сказалъ сѣрому волку, куда ему ѣхать надобно, и помчался съ нимъ сѣрой волкъ пуще коня и, черезъ нѣкоторое время, какъ разъ ночью, привезъ Ивана-царевича къ каменной стѣнѣ, негораздо высокой, остановился и сказалъ: „Ну, Иванъ-царевичъ! слѣзай съ меня, съ сѣраго волка, и полѣзай черезъ эту каменную стѣну: тутъ за стѣною садъ, а въ томъ саду жаръ-птица сидитъ въ золотой клѣткѣ. Ты жаръ-птицу возьми, а золотую клѣтку не трогай; не то тебя тотчасъ поймаютъ"! Иванъ-царевичъ перелѣзъ черезъ каменную стѣну въ садъ, увидѣлъ жаръ-птицу въ золотой клѣткѣ и очень на нее прельстился. Вынулъ птицу изъ клѣтки и пошелъ назадъ, да потомъ одумался и сказалъ самъ себѣ: „Что я взялъ жаръ-птицу безъ клѣтки, куда я ее посажу"? Воротился, и лишь только снялъ золотую клѣтку — то вдругъ пошелъ стукъ и громъ по всему саду, ибо къ той золотой клѣткѣ были струны проведены. Караульные тотчасъ проснулись, прибѣжали въ садъ, поймали Ивана-царевича съ жаръ-птицею и привели къ своему царю, котораго звали Долматомъ. Царь Долмать весьма разгнѣвался на Ивана-царевича и вскричалъ на него громкимъ и сердитымъ голосомъ: „Какъ не стыдно тебѣ, молодой юноша, воровать! Да кто ты таковъ, и которыя земли, и какого отца сынъ, и какъ тебя по имени зовутъ"? Иванъ-царевичъ ему молвилъ: „Я сынъ царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иванъ-царевичъ. Твоя жаръ-птица повадилась къ намъ летать въ садъ по всякую ночь и срывала съ любимой отца моего яблони золотыя яблочки; для того послалъ меня мой родитель, чтобъ сыскать жаръ-птицу и къ нему привезть". — „О ты, молодой юноша, Иванъ-царевичъ"! молвилъ царь Долмать. „Пригоже ли такъ дѣлать, какъ ты сдѣлалъ? Ты бы пришелъ ко мнѣ, я бы тебѣ жаръ-птицу честію отдалъ; а теперь хорошо ли будетъ, когда я разошлю во всѣ государства о тебѣ объявить, какъ ты въ моемъ государствѣ нечестно поступилъ? Однако, слушай, Иванъ-царевичъ! ежели ты сослужишь мнѣ службу: съѣздишь за тридевять земель, въ тридесятое государство и достанешь мнѣ отъ царя Афона коня златогриваго, то я тебя въ твоей винѣ прощу и жаръ-птицу тебѣ съ великою честію отдамъ". Закручинился Иванъ-царевичъ и пошелъ отъ царя Долмата къ сѣрому волку и разсказалъ ему обо всемъ, что царь Долмать говорилъ. „Охъ, ты гой еси, молодой юноша, Иванъ-царевичъ"! молвилъ ему сѣрой волкъ, „для чего ты слова моего не слушался и взялъ золотую клѣтку"? — „Виноватъ я передъ тобою", сказалъ волку Иванъ-царевичъ. — „Добро, быть такъ"! молвилъ сѣрой волкъ; „садись на меня, на сѣраго волка: я тебя свезу, куда тебѣ надобно". Иванъ-царевичъ сѣлъ сѣрому волку на спину, а волкъ побѣжалъ такъ скоро, какъ стрѣла, и бѣжалъ онъ долго ли, коротко ли, наконецъ, прибѣжалъ въ государство царя Афона ночью. И пришедши къ бѣлокаменнымъ царскимъ конюшнямъ, сѣрой волкъ Ивану-царе-

вичу сказалъ: „Ступай, Иванъ-царевичъ, въ эти бѣлокаменные конюшни и бери ты коня златогриваго. Только тутъ на стѣнѣ виситъ золотая узда, ты ея не бери, а то худо тебѣ будетъ“. Иванъ-царевичъ, вступя въ бѣлокаменные конюшни, взялъ коня и пошелъ было назадъ; но увидѣлъ на стѣнѣ золотую узду и такъ на нее прельстился, что снялъ ее съ гвоздя, и только-что снялъ — какъ вдругъ пошелъ громъ и шумъ по всеѣмъ конюшнямъ, потому что къ той уздѣ были струны проведены. Караульные конюхи тотчасъ проснулись, прибѣжали, Ивана-царевича поймали и повели къ царю Афрону. Царь Афронъ началъ его спрашивать: „Охъ, ты гой еси, молодой юноша! скажи мнѣ, изъ котораго ты государства, и котораго отца сынъ, и какъ тебя по имени зовутъ“? На то отвѣчалъ ему Иванъ-царевичъ: „Я сынъ царя Выслава Андроновича, а зовутъ меня Иваномъ-царевичемъ“. — „Охъ ты, молодой юноша, Иванъ-царевичъ!“ сказалъ ему царь Афронъ, честнаго ли витязя это дѣло? Ты бы пришелъ ко мнѣ, я бы тебѣ коня златогриваго съ честію отдалъ. А теперь хорошо ли тебѣ будетъ, когда я разошлю во всеѣ государства объявить, какъ ты нечестно въ моемъ государствѣ поступилъ? Однако, слушай, Иванъ-царевичъ! ежели ты сослужишь мнѣ службу и съѣздишь за тридевять земель, въ тридесятое государство и достанешь мнѣ королевну Елену Прекрасную, въ которую я давно и душою и сердцемъ влюбился, а достать не могу, то я тебѣ эту вину прощу и коня златогриваго съ золотою уздою честно отдамъ. А ежели

этой службы мнѣ не сослужишь, то я о тебѣ дамъ знать во всѣ государства, что ты нечестной воръ“. Пошелъ Иванъ-царевичъ изъ палатъ и горько заплакалъ.

Пришелъ онъ къ сѣрому волку и разсказалъ все, что съ нимъ случилось. „Охъ, ты гой еси, молодой юноша, Иванъ-царевичъ!“! молвилъ ему сѣрой волкъ, „для чего ты слова моего не послушался и взялъ золотую узду“? — „Виноватъ я предъ тобою“, сказалъ волку Иванъ-царевичъ. „Добро, быть такъ!“! продолжалъ сѣрой волкъ; „садись на меня, на сѣраго волка: я тебя свезу, куда тебѣ надобно“. Иванъ-царевичъ сѣлъ сѣрому волку на спину, а волкъ побѣждалъ такъ скоро, какъ стрѣла, и, наконецъ, прибѣжалъ въ государство королевны Елены Прекрасной къ золотой рѣшеткѣ, которая окружала чудесный садъ; и сказалъ волкъ Ивану-царевичу: „Ну, Иванъ-царевичъ! слѣзай теперь съ меня, съ сѣраго волка, и ступай назадъ по той же дорогѣ и ожидай меня въ чистомъ полѣ подъ зеленымъ дубомъ“. Иванъ-царевичъ пошелъ, куда ему велѣно. Сѣрой же волкъ сѣлъ близъ той золотой рѣшетки и дожидался, покуда пойдетъ прогуляться въ садъ королевна Елена Прекрасная. Къ вечеру, когда солнышко стало гораздо опускаться къ западу, королевна Елена Прекрасная пошла въ садъ прогуливаться со своими нянюшками и мамушками и ближними боярынями. Когда она подошла къ тому мѣсту, гдѣ сѣрой волкъ сидѣлъ за рѣшеткою, — вдругъ сѣрой волкъ перескочилъ черезъ рѣшетку въ садъ и ухватилъ королевну Елену Прекрасную, перескочилъ назадъ и побѣждалъ съ нею что есть силы-мочи. Прибѣжалъ въ чистое поле подъ зеленый дубъ, гдѣ его Иванъ-царевичъ дожидался, и сказалъ ему: „Иванъ-царевичъ! садись поскорѣе на меня, на сѣраго волка“. Иванъ-царевичъ сѣлъ на него, а сѣрой волкъ помчалъ ихъ обоихъ къ государству царя Афона. Няньки и мамки и всѣ боярыни придворныя побѣжали тотчасъ во дворецъ и послали погоню, однако, сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать волка и воротились назадъ.

Иванъ-царевичъ, сидя на сѣромъ волкѣ вмѣстѣ съ прекрасною королевною Еленою, возлюбилъ ее сердцемъ, а она Ивана-царевича; и когда сѣрой волкъ прибѣжалъ въ государство царя Афона, тогда царевичъ весьма запечалился и началъ слезно плакать. Сѣрой волкъ спросилъ его: „О чемъ ты плачешь, Иванъ-царевичъ?“ На то ему Иванъ-царевичъ отвѣчалъ: „Другъ мой, сѣрой волкъ! какъ мнѣ, доброму молодцу, не плакать и не крушиться? Я сердцемъ возлюбилъ прекрасную королевну Елену, а теперь долженъ отдать ее царю Афону за коня златогриваго; а ежели ея не отдамъ, то царь Афонъ обезчеститъ меня во всѣхъ государствахъ“. — „Служилъ я тебѣ много, Иванъ-царевичъ“, сказалъ сѣрой волкъ, „сослужу и эту службу. Слушай, Иванъ-царевичъ: я сдѣлаюсь прекрасной королевной Еленою, и ты меня отведи къ царю Афону и возьми коня златогриваго; онъ меня почтетъ за настоящую королевну. И когда ты сядешь на коня златогриваго и уѣдешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афона въ чистое поле погулять; и какъ онъ меня отпуститъ съ нянюшками и съ мамушками и со всѣми придворными боярынями, и буду я съ ними въ чистомъ полѣ, тогда ты меня вспомни — и я опять у тебя буду“. Сѣрой волкъ вымолвилъ эти рѣчи, ударился о сыру-землю и сталъ прекрасною королевною Еленою; Иванъ-царевичъ взялъ сѣраго волка, пошелъ во дворецъ къ царю Афону, а прекрасной королевнѣ Еленѣ велѣлъ дожидаться за городомъ. Когда Иванъ-царевичъ пришелъ къ царю Афону съ

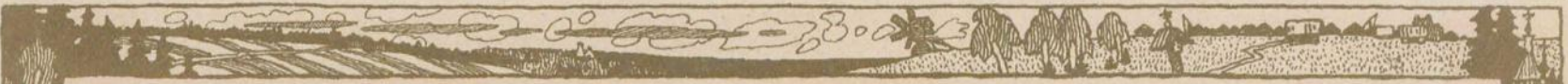

мнимою Еленою Прекрасною, то царь вельми возрадовался въ сердцѣ своемъ, что получилъ такое сокровище, котораго онъ давно желалъ; а коня златогриваго вручилъ Ивану-царевичу. Иванъ-царевичъ сѣлъ на того коня и выѣхалъ за городъ, посадилъ съ собою Елену Прекрасную и поѣхалъ, держа путь къ государству царя Долмата. Сѣрой же волкъ живетъ у царя Афона день, другой и третій, вмѣсто прекрасной королевны Елены, а на четвертый день пришелъ къ царю Афону проситься въ чистомъ полѣ погулять, чтобъ разбить тоску-печаль лютую. Какъ возговорилъ ему царь Афонъ: „Ахъ, прекрасная моя королевна Елена! я для тебя все сдѣлаю“. И тотчасъ приказалъ нянюшкамъ и мамушкамъ и всемъ придворнымъ боярынямъ съ прекрасною королевною идти въ чистое поле гулять.

Иванъ же царевичъ ѣхалъ путемъ-дорогою съ Еленою Прекрасною, разговаривалъ съ нею и забылъ было про сѣраго волка; да потомъ вспомнилъ: „Ахъ, гдѣ-то мой сѣрой волкъ“? Вдругъ откуда ни взялся — сталъ онъ передъ

Иваномъ-царевичемъ и сказалъ ему: „Садись, Иванъ-царевичъ, на меня, на сѣраго волка, а прекрасная королевна пусть ѣдетъ на конѣ златогривомъ“. Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка, и поѣхали они въ государство царя Долмата. Ыхали они долго ли, коротко ли, и, доѣхавъ до того государства, за три версты отъ города остановились. Иванъ-царевичъ началъ просить сѣраго волка: „Слушай ты, другъ мой любезной, сѣрой волкъ! сослужилъ ты мнѣ много службъ, — сослужи мнѣ и послѣднюю: не можешь ли ты оборотиться въ коня златогриваго на мѣсто этого, потому что съ этимъ златогривымъ конемъ мнѣ разстаться не хочется“.

Вдругъ сѣрой волкъ ударился о сыру-землю — и сталъ конемъ златогривымъ; Иванъ-царевичъ оставилъ прекрасную королевну Елену въ зеленомъ лугу, сѣлъ на сѣраго волка и поѣхалъ во дворецъ къ царю Долмату. И какъ скоро туда приѣхалъ, царь Долматъ увидѣлъ Ивана-царевича, что ѣдетъ онъ на конѣ златогривомъ, тотчасъ вышелъ изъ палатъ своихъ, встрѣтилъ царевича на широкомъ дворѣ, поцѣловалъ его во уста сахарныя, взялъ его за правую руку и повелъ въ палаты бѣлокаменныя. Царь Долматъ для такой радости велѣлъ сотворить пиръ, и сѣли они за столы дубовые, за скатерти браныя; пили, ѣли, забавлялися и веселилися ровно два дня, а на третій день царь Долматъ вручилъ Ивану-царевичу жаръ-птицу съ золотою клѣткою. Царевичъ взялъ жаръ-птицу, пошелъ за городъ, сѣлъ на коня златогриваго вмѣстѣ съ прекрасной королевной Еленою и поѣхалъ въ свое отечество. Царь же Долматъ вздумалъ на другой день своего коня златогриваго объѣздить въ чистомъ полѣ и лишь только разъярилъ коня, какъ онъ сбросилъ съ себя царя Долмата и, оборотясь попрежнему въ сѣраго волка, побѣждалъ и нагналъ Ивана-царевича. „Иванъ-царевичъ!“ сказалъ онъ, „садись на меня, на сѣраго волка, а королевна Елена Прекрасная пусть ѣдетъ на конѣ златогривомъ“. Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка, и поѣхали они въ путь. Какъ скоро довезъ сѣрой волкъ Ивана-царевича до тѣхъ мѣстъ, гдѣ его коня разорвалъ, онъ остановился и сказалъ: „Ну, Иванъ-царевичъ! послужилъ я тебѣ довольно вѣрою и правдою. Вотъ на семь мѣстъ разорвалъ я твоего коня на-двое, до этого мѣста и довезъ тебя. Слѣзай съ меня, съ сѣраго волка, — теперь есть у тебя конь златогривый, а я тебѣ больше не слуга“. Сѣрой волкъ вымолвилъ эти слова и побѣждалъ въ сторону, а Иванъ-царевичъ заплакалъ горько по сѣромъ волкѣ и поѣхалъ въ путь свой съ прекрасною королевною.

Долго ли, коротко ли ѣхалъ онъ съ прекрасною королевною Еленою на конѣ златогривомъ и, не доѣхавъ до своего государства за двадцать верстъ, остановился, слѣзъ съ коня и вмѣстѣ съ прекрасною королевною легъ отдохнуть подъ деревомъ; коня златогриваго привязалъ къ тому же дереву, а клѣтку съ жаръ-птицею поставилъ подлѣ себя. Лежа на мягкой травѣ и ведя разговоры полюбовныя, они крѣпко уснули. Въ то самое время братья Ивана-царевича, Димитрій и Василій-царевичи, ѣздя по разнымъ государствамъ и не найдя жаръ-птицы, возвращались въ свое отечество съ порожними руками; нечаянно наѣхали они на своего соннаго брата Ивана-царевича съ прекрасною королевною Еленою. Увидя на травѣ коня златогриваго и жаръ-птицу въ золотой клѣткѣ, весьма на нихъ прельстилися и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти. Димитрій-царевичъ вынулъ изъ ноженъ мечъ свой и закололъ Ивана-царевича; потомъ разбудилъ прекрасную королевну Елену и началъ ее спрашивать: „Прекрасная дѣвица! котораго ты государства, и какого отца дочь, и какъ тебя по имени зовутъ?“ Прекрасная королевна Елена, увидя Ивана-царевича мертваго, крѣпко испугалась и въ горькихъ слезахъ говорила: „Я — королевна Елена Прекрасная, а досталъ меня Иванъ-царевичъ, котораго вы злой смерти предали. Вы тогда бѣ были добрые витязи, если бѣ выѣхали съ нимъ въ чистое поле да живаго побѣдили; а то убили соннаго, и тѣмъ какую себѣ похвалу получите? Сонной чело-вѣкъ — что мертвой!“ Тогда Димитрій-царевичъ приложилъ свой мечъ къ сердцу

прекрасной королевны Елены и сказалъ ей: „Слушай, Елена Прекрасная! ты теперь въ нашихъ рукахъ; мы повеземъ тебя къ нашему батюшкѣ, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и жаръ-птицу, и коня златогриваго. Ежели этого не скажешь, сейчасъ тебя смерти предамъ!“ Прекрасная королевна Елена, испугавшись смерти, обѣщалась имъ и клялась всею святынею, что будетъ говорить такъ, какъ ей велѣно. Тогда Димитрій-царевичъ съ Васильемъ-царевичемъ начали метать жеребей, кому достанется прекрасная королевна Елена и кому конь златогривый. И жеребій палъ, что прекрасная королевна должна достаться Василью-царевичу, а конь златогривой Димитрію-царевичу.

Иванъ-царевичъ лежалъ мертвъ на томъ мѣстѣ ровно тридцать дней, и въ то время набѣжалъ на него сѣрой волкъ и узналъ по духу Ивана-царевича; захотѣлъ помочь ему—оживить, да не зналъ, какъ это сдѣлать. Въ то самое время увидѣлъ сѣрой волкъ одного ворона и двухъ воронятъ, которые летали надъ тѣломъ и хотѣли спуститься на землю и наѣсться мяса Ивана-царевича. Сѣрой волкъ спрятался за кустъ, и какъ скоро воронята спустились на землю и начали ѣсть тѣло Ивана-царевича, онъ выскочилъ изъ-за куста, схватилъ одного вороненка и хотѣлъ было разорвать его на-двое. Тогда воронъ спустился на землю, сѣлъ поодаль отъ сѣраго волка и сказалъ ему: „Охъ, ты гой еси, сѣрой волкъ! не трогай моего младаго дѣтища; вѣдь онъ тебѣ ничего не сдѣлалъ“. — „Слушай, Воронъ Вороновичъ!“ молвилъ сѣрой волкъ, „я твоего дѣтища не трону, когда ты мнѣ со-

служишь службу: слетаешь за тридевять земель, въ тридесятое государство и принесешь мнѣ мертвой и живой воды“. На то Воронъ Вороновичъ сказалъ сѣрому волку: „Я тебѣ службу эту сослужу, только не тронь ничѣмъ моего сына“. Выговорилъ эти слова воронъ и улетѣлъ. На третій день воронъ прилетѣлъ и принесъ съ собою два пузыря: въ одномъ — живая вода, въ другомъ — мертвая, и отдалъ тѣ пузырьки сѣрому волку. Сѣрой волкъ взялъ пузырьки, разорвалъ вороненка на-двое, sprыснулъ его мертвою водою — и тотъ вороненокъ сросся; sprыснулъ живою водою — вороненокъ встрепенулся и полетѣлъ. Потомъ сѣрой волкъ sprыснулъ Ивана-царевича мертвою водою — его тѣло срослося, sprыснулъ живою водою — Иванъ-царевичъ всталъ и промолвилъ: „Ахъ, куда какъ я долго спалъ“! На то сказалъ ему сѣрой волкъ: „Да, Иванъ-царевичъ, спать бы тебѣ вѣчно, кабы не я: вѣдь тебя братья твои изрубили, а прекрасную королевну Елену и коня златогриваго и жаръ-птицу увезли съ собою. Теперь поспѣшай, какъ можно скорѣе, въ свое отечество: братъ твой Василій-царевичъ женится сегодня на твоей невѣстѣ — на прекрасной королевнѣ Еленѣ. А чтобъ тебѣ поскорѣе туда поспѣть, садись лучше на меня, на сѣраго волка: я тебя на себѣ донесу“. Иванъ-царевичъ сѣлъ на сѣраго волка; волкъ побѣждалъ съ нимъ въ государство царя Выслава Андроновича, и долго ли, коротко ли, — прибѣждалъ къ городу.

Иванъ-царевичъ слѣзъ съ сѣраго волка, пошелъ въ городъ и, пришедши во дворецъ, засталъ, что братъ его Василій-царевичъ воротился съ королевной отъ вѣнца и сидитъ за столомъ. Увидала Ивана-царевича Елена Прекрасная, тотчасъ выскочила изъ-за стола, начала цѣловать его въ уста сахарныя и закричала: „Вотъ мой любезный женихъ Иванъ-царевичъ, а не тотъ злодѣй, которой за столомъ сидитъ“! Тогда царь Выславъ Андроновичъ всталъ съ мѣста и началъ прекрасную королевну Елену спрашивать: что бы такое это значило. Елена Прекрасная рассказала ему всю истинную правду, что и какъ было. Царь Выславъ весьма осердился на Димитрія и Василія-царевичей и посадилъ ихъ въ темницу; а Иванъ-царевичъ женился на прекрасной королевнѣ Еленѣ и началъ съ нею жить дружно, любовно, такъ что одинъ безъ другаго ниже единого мига пробыть не могли.

